

Ян Польковский

[46]

ИЛ 6/2021

“Быть может еще существует поэзия”

Перевод Владимира Штокмана

Вступление Игоря Белова

Дебютный сборник стихов Яна Польковского, вышедший в 1980 году, назывался несколько провокативно — “Это не поэзия”. Легко увидеть в этом “смирение паче гордыни”, однако речь скорее шла о том, что Польковскому хотелось говорить на принципиально ином поэтическом языке, нежели поэты польской новой волны, к тому времени уже признанные мэтры. Изобрести этот “иной язык” ему удалось, да так убедительно, что уже спустя десять лет молодые польские “варвары от поэзии”, вознамерившись “сбросить классиков с парохода современности”, выбрали своей мишенью именно Польковского. Марцин Светлицкий, их лидер и заводила, написал тогда программное стихотворение “Яну Польковскому”, в котором призвал “захлопнуть картонные двери, <...> открыть окно и проветрить комнату”, добавив совсем уж обидное: “Поэзия рабов питается идеями, / идеи — это водянистые суррогаты крови”. Нет, польская поэтическая молодежь 1990-х ничего не имела против Польковского лично. Просто он олицетворял для нее польскую поэзию как таковую. Олицетворяет ее и теперь.

Однако спорить с молодыми Польковский тогда не стал. И замолчал почти на двадцать лет. Разумеется, дело было не в конфликте с поэтиче-

© JAN POLKOWSKI, 2021

© Владимир Штокман. Перевод, 2021

© Игорь Белов. Вступление, 2021

Публикуется при поддержке Института литературы (Краков, Польша).

ской молодежи (собственно, и конфликта никакого не было). Поэту нужно было как-то освоиться и разобраться с новой общественно-политической и, что самое главное, с ментальной, идейной, метафизической реальностью новой, независимой Польши. А поскольку Польковский хорошо знал цену словам, он решил не спешить с сиюминутными поэтическими рефлексиями-зарисовками и выбрал роль “молчаливого свидетеля”. Как писал он позднее в одном из стихотворений, “я не поэт, / я живу среди вас”, подчеркивая тем самым, что не хочет больше быть поэтом-демиургом. Впрочем, как выяснилось спустя годы, молчание Польковского в каком-то смысле тоже было поэзией. Болтливость ему не была свойственна никогда, и он берег слова, копил их под спудом души — в нем зрела новая поэтика, которая разрешилась неожиданно богатым урожаем в самом конце 2000-х.

Воистину, “чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь”. В 2009 году Польковский неожиданно для всех вернулся в поэзию — вернулся с очень сильной книгой стихов “Cantus”. Восторгам критиков не было предела (примерно в то же время отечественные любители поэзии столь же восторженно приветствовали возвращение в русскую поэзию Алексея Цветкова-старшего). Возвращение Польковского было триумфальным. Сразу стало понятно, что это не просто робкая проба вновь обретенного голоса, что он вернулся всерьез и надолго. Последовали новые книги и новые литературные победы. Так, за книгу стихов “Голоса” (2012) Ян Польковский получил одну из самых престижных польских литературных наград — поэтическую премию “Орфей” имени Константы Ильдефонса Галчинского.

Литературный критик Тадеуш Нычек писал, что Польковский вернулся к нам, читателям, “как опытный участник сразу нескольких эпох, оставивших на его жизни незаживающие шрамы”. Опыт личных травм и утрат стал для поэта поводом поговорить о травматическом опыте человечества в целом, он внимательно вглядывается в то, как “день за днем легко” вращаются “планеты судьбы”. Жизнь на этих планетах полна испытаний и кошмаров, оставаясь при этом невыносимо прекрасной, недаром один из важнейших образов у Польковского — это ласточки, “что на линиях / лагерной проволоки пишут гимн”. Впрочем, хотя Ян Блоньский и назвал стихи Польковского “афоризмами страдания и палимпсестами гибели”, их пафос, разумеется, не исчерпывается польской мартирологией, облаченной в лирические одежды. Поэзия Польковского очень многомерна: здесь и размышления по поводу исторических судеб Польши, и “проклятые вопросы” о человеческом бытии, о пределах людского страдания, о столь зыбкой надежде на свет в конце тоннеля. И все это проговаривается с кристальной ясностью, образы и слова поэта прозрачны и зримы. Польковский решительно отбросил игровую функцию поэзии. Стихотворчество для него — дело серьезное.

Знакомство читателя “Иностранной литературы” со стихами Яна Польковского стало возможным благодаря вдохновенному и кропотливому труду поэта и переводчика Владимира Штокмана. Собственно, это предисло-

вие должен был написать он. Однако в самом конце “чумного” 2020 года, собравшего свою страшную жатву, Владимир Штокман покинул этот мир.

Мы познакомились десять лет назад на поэтическом фестивале в Коктебеле. Я был поражен тем, с каким артистизмом Штокман читает свой замечательный перевод баллады Лесьмяна “Девушка”, и немедленно предложил переводчику стакан сухого крымского вина. Невероятно обаятельный, талантливый и романтичный, Штокман был буквально заряжен стихами и музыкой — к слову, он был не только отличным поэтом и переводчиком, но и прекрасным бардом. Мир был интересен ему во всей своей полноте и точно с таким же всеобъемлющим интересом относился он и к польской поэзии, которая оказалась для него родным домом. В 2011 году Штокман стал одним из финалистов международного конкурса переводчиков поэзии Чеслава Милоша, однако с увлечением переводил и тех современных польских поэтов, кто держится подальше от основных поэтических ристалищ. Он не делил поэтов на “авторов первого ряда” и всех остальных.

Эмигрировавший в Польшу в конце прошлого столетия, Володя Штокман чувствовал себя в стихии польского языка как рыба в воде. Вопреки расхожему мнению, что стихи можно переводить только на родной язык, он виртуозно переводил на польский стихи русских поэтов — своих друзей (так, он перевел и издал книгу стихов московского поэта Евгения Чигрина “Погонщик”). И они сразу обретали неуловимо “польское” звучание. Кажется, он чувствует поэзию всем своим существом. Это и помогло ему увидеть в Яне Польковском “своего” поэта — он почувствовал очищающее свойство этих стихов, их умение разгонять тучи безнадеги и бренности. Штокман услышал в стихах Польковского дуновение “вечного ветра”. Теперь его сможем услышать и мы.